

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПРОЗЕ

ХОЧУ предупредить, что «несколько слов» не обзор и не резюме. Скорее всего это заметки, личный взгляд писателя на ту область литературы, в которой он работает сам.

Мне кажется, что русская проза сегодня развивается извечными путями, которые свойственны искусству вообще: один — это утверждение, а одновременно и дальнейшее развитие издавна существующих традиций, другой — путь более или менее очевидного новаторства, более или менее решительных попыток художника заявить о себе как о факте, который существует вопреки традициям и общепринятым представлениям.

К писателям традиционным, явно тяготеющим к классике и по манере письма, и по тем социальным и социально-нравственным задачам, которые они перед собой ставят, и по ряду художественных образов, которые создают, я отнес бы прежде всего В. Шукшина, В. Белова, В. Распутину и В. Астафьева.

УМЕРШИЙ раньше того, как он достиг расцвета своих творческих сил, **Василий Шукшин** известен нынче и у нас повсеместно, и далеко за пределами страны. Известен как прозаик, актер, кинорежиссер, сценарист и драматург.

Однако здесь я буду говорить о Шукшине только как о прозаике. И в прозе **Василий Шукшин** был очень разнообразен: он и романист, и новеллист, он реалистичен и условен, он историчен и современен. Но мне кажется, что самый значительный след в русской прозе он оставил как мастер короткого рассказа. Он возродил тот рассказ, который будто бы совсем уже ушел со сцены.

Дело в том, что писатели начали как бы понемногу разучиваться наблюдению над тем или иным случаем жизни в его обыкновенности, а каждый факт или встреча с тем или иным человеком стали для них только поводом к проявлению собственного «я», только стимулом к «акту творчества».

Между тем искусство все еще не перестало быть искусством гармонии, соединением природы и размышления, непосредственного факта и ассоциации, которые он вызывает у художника. Шукшин вновь доказывает это своими рассказами: он мыслит, он человек и писатель вполне современный и сведущий во многих областях, но он отнюдь не разучился доверять своему слуху и зрению, своей природе.

Случай у него, как правило, обыкновенный. И каждый — становится рассказом: **Алеша топил баню, он очень любит мыться в бане по субботам. Моря Квасов «прочитал в какой-то книжке, что вечный двигатель невозможен», но не поверил этому и решил испытать дело сам. Один какой-то шофер на высокогорном тракте ударил кузовом своей машины встречный грузовик, а этот встречный потянулся за обидчиком и тоже «припечтало» его. Еще кто-то подрался, кто-то поехал рубить лес, кто-то повздорил с женой...**

Все просто. Все обыденно. И все — серьезно. И восстановлено утерянное было умение русской прозы говорить о малом факте жизни, как о Жизни. Чеховское, бунинское умение. Для классического русского рассказчика первостепенное значение имел сам факт жизни, сама объективная жизнь, а себя самого он ощущал как некий инструмент, как средство для выражения все той же жизни.

ЕСЛИ спросить: «Кто нынче в русской прозе ближе всего к Шукшину», — я думаю, что не ошибусь, назвав **Василия Белова**.

Есть что-то общее в их интонации, и оба они необычайно внимательны к нынешнему деревенскому жителю. Судя по всему, взгляды их на литературу очень близки, почти совпадают.

Более всего Белов известен двумя вещами: повестью «Привычное дело» и «Плотничкиными рассказами», которые автор тоже называет повестью. Действие того и другого произведения происходит в северной русской деревне. Но если «Привычное дело» — это типичная повесть, исполненная в лучших традициях русской прозы и сама оказавшая большое влияние на творчество целого ряда современных писателей, то «Плотничкиные рассказы» — вещь во многих отношениях отличная от того, что принято называть повестью.

Сюжет здесь прост, а если судить строго, он и вовсе отсутствует. Два старых плотника рубят баню и за работой ведут разговоры; вспоминают про работу, не минуя и настоящего. Эти разговоры составляют цикл рассказов, а все эти рассказы — повесть. Когда-то плотники эти были друзьями, но были они и врагами. Однако

подходит старость, пора подумать не только о жизни, но и о смерти. Что было — того не вернуть и не переделать. И хотя прошлые обиды не забыты, они ничего не меняют в сегодняшней жизни.

Здесь много юмора, но много и того, что возвращает нас к подлинной истории. Много сценоч бытовых, но нет недостатка и в философичности. Здесь созданы четкие, выписанные до конца характеры, причем существующие не сами по себе, а являющиеся «продуктом своего времени и своей среды».

ВАЛЕНТИН Распутин — писатель сравнительно молодой, пришедший в литературу лет десять назад, а теперь уже много сделавший для развития того направления, о котором идет речь.

В его повести «Последний срок» умирает старуха Анна. В литературе смерть человека — явление, множество раз рассмотренное самыми разными художниками. Но редко приходилось мне встречать в книгах смерть столь сурово и мудро написанную, так же с часа на час прослеженную, как в этой повести.

У Распутина есть одно качество, которым, на мой взгляд, обладают очень высокие художники: он пишет своих героев так, будто литература не прикасается к ним совершенно. События у него происходят сами по себе, и хотя сюжеты его и остры и драматичны, мы не замечаем их. Это уже после прочтения книги начинаешь думать о том, как все это написано. Во время же чтения перед вами просто проходит жизнь — со своим бытом, с предметами домашнего обихода, с давними привычками и признаками сегодняшнего дня, со своей манерой разговора.

При всем том — это совершенные и полностью завершенные художественные произведения, завершенные сюжетно, логически и эмоционально.

Это опять-таки идет все от той же традиции, для которой предмет искусства остается выше самого искусства.

ВТОЙ же самой вполне реалистической традиции находит себе место писатель иной творческой манеры — **Виктор Астафьев**.

Он, наоборот, все, что видит вокруг себя, пропускает через себя, через свои нравственные убеждения, через свою совесть, через свой слух и свое зрение.

В значительной части своих произведений (большой цикл рассказов «Последний поклон», повесть «Кража» и др.) Астафьев попросту автобиографичен. А так как жизнь — детскую и юношескую, мирную и военную — он прошел невероятно трудную и разную, ему есть и долго еще будет что о ней говорить.

Это писатель свободный, иногда очень редкостного, а иногда, сдается мне, даже и вымышленного им самим слова: только так он и может выразить себя. Писатель не очень четкого, но всегда эмоционально-напряженного, чуждо меланхолического сюжета. Писатель, воспринимающий человека не только самого по себе, но и вместе с окружающей его природой — с горами, лесами, тундрами, реками, вместе с полем и огородом и вместе с полем боя, с домом, двором, с городской улицей, с миром людей.

И кажется мне, отсюда, из этого свойства его творчества происходит весьма современная и даже злободневная проблема, неизменно присутствующая в произведениях Астафьева: проблема «человек — природа».

Проникновенность, эстетика, лирика, отличающие так называемый охотничий рассказ в классической русской литературе, существуют у Астафьева не сами по себе, а соединенными с остросоциальными проблемами экологии, с болью и тревогой за все, что еще недавно было просто «картинной природой», а ныне стало «задачей охраны природы».

Так воздействует современная жизнь на литературу, и писатель чуткий не может не ощущать этого воздействия. Виктор Астафьев занимает в этом смысле особое положение — я имею в виду прежде всего его последнее и самое крупное произведение «Царь-рыба», за которое он удостоен в 1978 году Государственной премии СССР.

ТО НАПРАВЛЕНИЕ современной русской прозы, которое я обозначил в начале этой статьи, конечно, не исчерпывается четырьмя именами. Имен этих много — интересных и разных. Но В. Шукшин, В. Белов, В. Астафьев и В. Распутин достойно его представляют.

С. ЗАЛЫГИН,
писатель, лауреат Государственной
премии СССР.
(АПН).